

ГЕОЛОГ

НАЧАЛО

ЛАГЕРЬ

МАРИНА СЕВЕР

Марина Север
Геолог. Начало.

«Автор»

2026

Север М.

Геолог. Начало. / М. Север — «Автор», 2026

Лагерь «Геолог» уже трижды становился ловушкой для детей и взрослых. Пятьдесят лет назад здесь погибла вся смена. Спустя двадцать лет — новый приезд, новый кошмар, новые жертвы. И вот наступает третья смена. Теперь сюда привезли детдомовцев. Сирот, у которых нет семьи, нет защиты, и никто не будет их искать. Каждый раз, когда лагерь открывают, в нём просыпается древнее зло. Оно безлико, безымянно и бессмертно. Оно убивает и путает следы. Один и тот же свидетель — единственный выживший в двух бойнях — вернулся в лагерь в третий раз. Он рассказывает детям историю трагедии. Сумеют ли они избежать смертельной опасности, или им предстоит разделить судьбу других жертв? Они должны узнать правду или умереть, как их предшественники. 1 книга из 3 из серии: Новая смена. Лагерь "Геолог".

© Север М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Марина Север

Геолог. Начало.

Пролог

Сквозь полог густого леса пробивались редкие солнечные лучи. Словно золотые нити, они вплетались в зелёную вязь могучих ветвей, цеплявшихся друг за друга. Древние сосны тянулись вверх величественными колоннами, устремлёнными в небо. Они казались молчаливыми стражами, таившими в себе тайну и легенды забытого прошлого. Их кроны сплетались высоко над головой, создавая прохладный сумрак даже в жаркий летний день.

Дорога, местами заросшая травой, была с небольшим уклоном вверх. Зеленый настил, из которого проглядывали необычные и незнакомые цветы, растелился вдоль бесконечной широкой тропы, служившей когда-то дорогой. За столько лет асфальт почти весь потрескался, а между трещин проступала зеленая трава.

Группа людей, состоявшая из двенадцати человек, шла осторожно, ступая тихо и бережно, как будто боясь нарушить магию тихих лесных звуков. Шаги отдавались глухим эхом. Под подошвами ботинок скрипел песок и хрустели сухие иголок, иногда мелкие ветки. В руках они несли съёмочное оборудование.

Глеб не удержался и включил камеру. Это место настолько его вдохновило, что он решил после окончания съёмок предложить пустить это в кадры. Камера снимала крупным планом, ловила световые блики на листьях и влажное сияние утренней росы.

Вскоре дорога вывела группу людей к берегу реки, где вода мягко плескалась среди камней, гладко отполированных течением. Река была прозрачной до самого дна, переливалась изумрудными оттенками, отражала солнце и облака одновременно. Над водой клубился лёгкий туман, словно нежная дымка утреннего сна. Река была широкая, дальний берег просматривался с трудом. Шум течения заглушал веселое чириканье птиц, перелетающих с ветки на ветку.

— Далеко еще? — спросила Дина.

Девушка тридцати трех лет с собранными в пучок волосами осторожно посмотрела на шумную реку. Она с детства боялась воды, поэтому старалась держаться подальше от края обрыва.

— Нет, — ответил Антон, — еще примерно полтора километра — и мы на месте.

Несколько человек тяжело вдохнули.

— Тоха, — прокричал Глеб, — неужели нужно было снимать фильм именно в этом захолустье? Столько интересных и необычных мест в округе, но тебе приспичило тащить нас почему-то именно сюда!

— Я тоже этого не понимаю, — отозвалась Настя, — Нести всю эту поклажу куда-то в заброшенный лагерь, где будут идти съёмки фильма ужасов.

Мужчина лет пятидесяти с седыми висками, который шел вторым за Антоном и отвечал за звук, сказал:

— Это место связано с событиями прошлого. Я читал в какой-то газете, что здесь погибли дети, и никто ничего так и не нашел. Знатная бойня была. Жалко их всех. Они были из детского дома. Писали, что вроде в живых осталось несколько человек.

Наступила тишина, которую нарушал шум реки.

— Антон, — первой пришла в себя Настя, — ты куда нас притащил?

— Просто это место мне показалось подходящим для съёмок такого фильма.

— А тебя не смущает тот факт, что здесь произошла трагедия?

Глеб достал яблоко из своего рюкзака.

— Нет. Наоборот, я считаю что этот лагерь очень подходит для съемок нашего фильма ужасов. Окунуться в атмосферу, где произошло что-то ужасное — разве не об этом наше кино? Тем более это было тринадцать лет назад. От лагеря остались только старые домики и забор. Я узнавал. А вообще, он напомнит те дни, когда...

Антон запнулся на полуслове. Вспоминать не хотелось те дни, когда ребята из детского дома приехали отдыхать в лагерь под названием «Геолог». Зачем он сюда вернулся, парень и сам не знал. Антон долгое время провел в больнице, чтобы забыть случившееся. И вот через столько лет он вернулся сюда и притащил с собой всю съемочную группу. Что он хотел здесь найти, парень и сам не знал.

Глеб откусил яблоко, которое громко хрустнуло под натиском зубов. Все, кто стоял, вздрогнули.

— Ну, можно же было хоть не пешком.

Двадцатилетний парень по имени Саша усмехнулся и посмотрел на оборудование, которое нес в руках.

— Тут автобус вряд ли проедет. Сами видите, какая дорога. Тем более мимо реки нужно ехать.

— А остальные когда будут? — спросил мужчина, которого звали Петр Александрович.

— Обещали подтянуться через несколько дней, — ответил Антон, — а мы пока расположимся и все установим.

Передохнув минут десять, съемочная группа двинулась дальше.

Дорога круто забирала вверх. Многие уже подустали, когда впереди показался силуэт старого лагеря. Деревянные домики покрылись темными пятнами, крыши кое-где просели от времени, окна заросли паутиной, но как ни странно, были целыми, двери слегка покосились. Казалось, время здесь остановилось, оставив следы своей власти повсюду. Полусгнившие скамейки, ржавые качели, замшелый столик посреди поляны, забытый кем-то рюкзак, давно превратившийся в жилище мелкой живности.

Съемочная группа замерла перед открывшейся картиной, поражённая атмосферой таинственности и очарования заброшенных мест. Ветер прошумел сквозь старые деревья, наполняя воздух ароматом хвои и влажной земли. Каждый вздох здесь был пропитан историей. Этот лагерь всколыхнул в Антоне воспоминания тринадцатилетней давности.

Пленительно тихо было вокруг. Лишь стрекот кузнечиков да пение птиц нарушали этот покой. Участники съемочной группы положили на землю свою ношу. Кто-то восхищенно ахнул, кто-то присвистнул, а кто-то возмущенно забормотал что-то нечленораздельное себе под нос.

Старый железный забор окружал давно забытую территорию. На воротах висел замок. Антон, сбросив рюкзак с плеч, подошел ближе и прижался лбом к железным прутьям. Воспоминания пронзили мозг, обжигая горячей волной.

Здесь когда-то звучал детский смех, горели костры, проводились первые уроки дружбы и любви. Теперь же старый лагерь стоял пустой, лишь ветер шептался между старых домиков, играя в игру памяти и фантазии.

Каждый кадр запечатлевал красоту природы и её неумолимое движение вперёд, оставляя позади частичку прежней жизни, постепенно растворяя её во времени.

Еле уловимый звук донесся до ушей Антона, а перед глазами появилась картинка тех лет. Она была как яркий фильм из прошлой жизни.

«Раз-два, три-четыре, три четыре, раз-два...»

Глава 1

— Ребята, выходим из автобусов. Быстрее, быстрее! Надо помочь младшим детям вытащить свои огромные рюкзаки. Ничего не забываем и не оставляем на сиденьях и под ними.

Три больших автобуса заехали на территорию лагеря. Июль выдался жарким. Заезжала первая смена из детского дома, где жили и учились брошенные дети или ребята из неблагополучных семей, которых забрали у нерадивых родителей.

Администрация выделила им путевки в лагерь под названием «Геолог». Когда-то сюда приезжали дети на летние каникулы. Путевки организациям выдавал профсоюз, чьи родители там состояли. Теперь же приняли решение отдать этот лагерь для детей-сирот.

Большая территория была огорожена забором из сетки-рабицы. Вокруг лагеря стоял густой лес, вдоль которого текла большая река. Иногда, во время сильных дождей, она могла выйти из берегов и затопить дорогу, ведущую к лагерю. Но это было один или два раза за все время.

На территории лагеря стояло шесть деревянных домиков-корпусов. У каждого было крыльцо и два входа — отдельно для мальчиков и девочек. Внутри каждого домика размещались две комнаты: в одной жили десять девочек с вожатой, в другой — десять мальчиков с вожатым.

На улице стояли отдельные туалеты для мальчиков и девочек. Рядом находилось двухэтажное административное здание. Неподалёку от него располагалась столовая — одноэтажный корпус. Чуть дальше была крытая эстрада: длинные лавочки в два ряда и небольшая сцена. За ней — волейбольное поле с натянутой сеткой.

Чуть поодаль стоял небольшой домик с табличкой «Медпункт». Внутри было несколько отделений: перевязочная, процедурный кабинет, лазарет и комната для приёма пациентов.

Большинство сотрудников ночевали в административном здании, на втором этаже, где было много комнат. Медсестра же оставалась в медпункте — на случай, если кому-то из детей ночью понадобится помощь.

На территории также стоял хозблок — небольшое строение, где хранили инвентарь и инструменты.

У больших железных ворот находилась сторожка с табличкой «Охрана». На КПП сидел пожилой мужчина лет семидесяти и пропускал машины с продуктами в столовую.

По территории были разбросаны беседки. Раньше, когда лагерь принадлежал профсоюзу, в родительский день здесь собирались семьи, чтобы навестить детей и передать им гостинцы. Родителям казалось, что в столовой кормят плохо, хотя на самом деле дети ели сытно и вкусно.

Отдельное одноэтажное здание служило душевой. Ребята ходили туда каждый день по графику. Умывальники и фонтанчики для ног стояли на улице — вода в них всегда была ледяной, что бодрило с утра. Горячую воду решили не проводить: сэкономили.

Кроме волейбольной площадки, на территории были футбольное поле и место для тренировок с лестницами, кольцами на цепях, качелями и каруселями.

С другой стороны лагеря находилась калитка, через которую детей водили на речку. Для купания отвели специальный участок, огороженный сеткой, чтобы ребята не заплывали далеко, — их могло унести течением. Отряды ходили туда по очереди.

— Ребята, стройтесь по двое! Сейчас вас распределят вожатые, и каждый пойдёт к своему корпусу.

Женщина лет сорока, плотная, в белой рубашке с коротким рукавом и голубой юбке до колен, махала рукой, торопя детей.

Недалеко стояли пять столов, за которыми сидели вожатые и воспитатели. Над ними были подняты белые таблички с номерами отрядов.

— Так, ребята, — захлопала она в ладоши, — быстрее! Те, кому семнадцать и шестнадцать, идут к табличке с номером один. Пятнадцать и четырнадцать — к номеру два, и так дальше, вы поняли.

Начался коллапс. Дети с огромными рюкзаками натыкались друг на друга. Какой-то неуклюжий парень, крупный, споткнулся и упал. Его рука наткнулась на что-то острое — на ладони появился порез, из которого закапала кровь.

— Чёрт! — выругался он и, достав из рюкзака платок, прижал его к ране.

Где-то вскрикнула девушка, где-то началась перепалка, прозвучала ругань. Вожатые соскочили со своих мест и бросились помогать.

Суэта продлилась минут двадцать. Затем женщина, встречавшая детей у автобусов, прокричала:

— Ребята, мы очень рады вас видеть! Теперь проходите в свои корпуса, разложите вещи, а потом познакомьтесь с воспитателями и вожатыми. Надеюсь, вам у нас понравится!

Она захлопала в ладоши — её поддерживали работники и младшие дети. Остальные смотрели с недовольством, а некоторые — с усмешкой.

— Первый отряд, строитесь по двое и идёте за мной!

Мужчина лет сорока пяти, крепкий, черноволосый, посмотрел на подростков, ожидая, когда они выполнят команду.

— На фига мы сюда приехали? — сказала девушка по имени Аня. — Лучше бы в городе остались.

Стоявшая рядом Василиса ткнула её локтем и кивнула в сторону воспитателя, который смотрел прямо на них. Мужчина сдвинул брови к переносице, а потом обвёл суровым взглядом всех собравшихся.

— Меня зовут Сергей Петрович, я ваш воспитатель. Это, — он указал на парня лет двадцати, который улыбался и подмигивал подросткам, — Павел Константинович, ваш вожатый.

— Можно просто Паша.

Парень ещё раз подмигнул. Сергей Петрович недовольно покосился на него.

— Сейчас мы пойдём в наш корпус. Там вы сможете расположиться и немного отдохнуть. Потом соберёмся на веранде, и я озвучу распорядок дня. Все понятно?

Тишина. Мужчина открыл рот и гаркнул:

— Не слышу! Все понятно?!

— Дааааа, — вяло отозвались ребята.

— Отлично! А теперь — на раз-два!

Он повернулся и зашагал по дорожке между клумбами. Паша посеменил следом.

— В следующий раз мы выучим считалочку и будем её выкрикивать каждый раз, когда куда-то пойдём. Вот увидите, вам понравится.

Паша шёл весело, то и дело оборачиваясь и поглядывая на подростков. На нём были смешные голубые шорты до колен и белая рубашка с коротким рукавом, а на голове красовалась пилотка с каким-то значком.

Ребята подошли к своему корпусу и остановились напротив веранды.

— М-да, — протянула Маргарита, сморщив курносый нос. — Даже в детском доме приличнее. Боюсь представить, что нас ждёт внутри.

Она смотрела на одноэтажный деревянный домик с двумя входами и большой верандой.

— Всем привет!

Из одной двери корпуса вышла девушка с каштановыми волосами, собранными в короткий хвостик, и встала на веранде.

— Меня зовут Кристина. Я ещё один вожатый на этом потоке.

Она была красивая и очень молодая — на вид лет двадцать, не больше. Стройная, подтянутая, в такой же форме, как и Паша: голубая юбка до колен, белая рубашка, пилотка.

— Ничего себе натура, — присвистнул Димка.

Кристина улыбнулась, а воспитатель нахмурился, но промолчал. В лагерь приехали ребята из детского дома — к ним нужен был особый подход. Несколько дней назад, когда коллектив собрался в лагере «Геолог», директор провела инструктаж и предупредила: дети особенные, лишённые родительской ласки. Нина Львовна попросила всех держаться сдержанно и не повышать голос, даже если что-то пойдёт не так.

— Надеюсь, коллеги, вы меня поняли, — закончила она.

Воспитатели, вожатые, физрук, медсестра и остальной персонал сидели в тишине, переваривая услышанное. Никто не ждал лёгкого заезда — все знали, что на смену приедут детдомовские дети.

— Так, — хлопнул в ладоши Сергей Петрович, — мальчики налево, девочки направо.

— Ну конечно, — усмехнулась Маргарита, — мальчикам не привыкать ходить налево.

Ребята засмеялись, воспитатель нахмурился, но снова промолчал — вспомнил наказ директора.

— В каждой комнате, — продолжил он, — есть кровати и тумбочки. Туалет, к сожалению, на улице.

Сергей Петрович указал на деревянное строение метрах в десяти от корпуса — небольшой домик, квадратов двадцать, с буквами «М» и «Ж» по обе стороны.

— Рядом умывальники — небольшие краники, где не надо ждать очереди.

Ребята, ещё не оправившиеся от новости про туалеты, увидели постройку примерно метр в высоту и полтора в длину. Сверху — краны для рук, снизу — для ног. С каждой стороны — по десять штук.

— Вот это сервис, — протянул Саша, которого все звали Шурик.

— Ребята, — вмешался Паша, — ничего страшного! Зато мы проведём время вместе, весело и дружно.

— Всю жизнь мечтала о таком отдыхе, — фыркнула Полина.

Ребята поднялись по ступенькам и разошлись по комнатам. Девочки стали занимать кровати.

— Чур, я у окна! — объявила Василиса и кинула рюкзак на койку.

Остальным было всё равно.

Комната оказалась небольшой — метров сорок. По обе стороны стояли кровати с постельным бельём — оставалось только надеть его на матрасы. Рядом — белые тумбочки.

Десять кроватей для десяти девочек. В углу, у выхода, висели шторы, скрывая небольшое пространство. Аня не выдержала и заглянула внутрь: там стояла ещё одна кровать и тумбочка с косметикой и зеркалом. Наверное, это место для вожатой Кристины.

Девочки разложили вещи и занялись своими делами: кто-то красился, кто-то заплетал волосы. Аня и Василиса уединились в углу.

— Ты думаешь, что нравишься Антону? — спросила Василиса.

— А ты видела, как он на меня смотрит? Мы ещё в детском доме начали общаться. А сейчас... мне кажется, я влюбилась.

Василиса прикрыла рот ладонью и округлила глаза:

— Да ладно! Серьёзно?

Аня смутилась и покраснела.

— О чём это вы? — Алина поднялась с кровати. Она была на полгода старше Ани и встречалась с Маратом.

— Да, — поддержала её Ксюша, — если вы говорите для всех, говорите вслух.

Девочки засмеялись. Алина и Ксюша дружили давно — с самого поступления в детский дом. Алина была боевой: могла и подраться, и в конфликт влезть. Ксюша — наоборот, мелкая, трусоватая, во всём потакала подруге. За глаза её звали шестёркой.

— Вам какая разница? — огрызнулась Василиса. — Не лезьте не в своё дело.

— Что ты сказала?

Алина медленно двинулась в их сторону. В комнате все притихли, наблюдая за назревающим скандалом. Чем бы это закончилось, никто не узнал — в комнату, улыбаясь, вошла Кристина.

Мальчишки зашли в свою комнату: кровати, тумбочки. Заняв места, ребята осматривали новое жильё на ближайшие недели.

— М-да, — прогундел Боря, — не курорт.

— Ой, можно подумать, ты бывал на курортах, — усмехнулся Сергей.

— Не бывал, но хотелось бы чего-то получше.

— А мне кажется, нас просто готовят к новой жизни, — задумчиво сказал Дима. — Когда выпустимся, нас что-то подобное ждёт.

— Ты хочешь сказать, что нам выделяют такие же страшные квартиры, как эти домики? — хмыкнул Алёша.

В комнате повисла тишина.

— Ладно, пацаны, не нойте, — сказал Антон. — Посмотрим. Может, нам даже понравится.

Антону было семнадцать, и среди ребят он считался самым рассудительным. В детский дом он попал в шесть лет — родители погибли в автокатастрофе, родственников не нашлось. Он выжил, и его определили в приют.

Антон вырос красивым парнем: чёрные волосы, карие глаза, прямой нос, чётко очерченные губы. Он любил спорт, тело было рельефным, бицепсы накачаны. Ребята прислушивались к нему, и даже Марат, вспыльчивый кавказец, предпочитал не лезть в конфликт, а решать вопросы кулаками.

Антон дружил с Сергеем (все звали его Серым) и Лехой (прозвище — Бивень). С остальными общался, но близко не подпускал.

Через несколько месяцев Антону исполнится восемнадцать, и он покинет детский дом. Документы ему уже готовили, а пока он приехал в лагерь «Геолог» вместе со всеми.

Дверь открылась, вошёл Паша.

— Ну что, парни, вы здесь будете не одни. Вон там моя кровать. — Он указал в угол, где висела шторка. Ребята не обратили на неё внимания, когда зашли.

— А Сергей Петрович?

— Ваш воспитатель будет в главном корпусе. После обеда мы соберёмся на веранде и начнём знакомиться. Сегодня первый день, по расписанию — вечер «Горящей свечи». Утром узнаете распорядок дня и мероприятия.

— А танцы будут? — крикнул Шурик.

— Будут! Дискотеки — вечером, после основного мероприятия. Отбой в двадцать три ноль-ноль, подъём в восемь. Но это всё завтра. А пока переодевайтесь и пойдём в столовую.

Ребята полезли в рюкзаки, доставая одежду, и вышли на улицу. Солнце припекало — даже в лесу было жарко.

Девочки уже ждали снаружи. Алина подошла к Марату и взяла его за руку.

— Так, ребята, — сказал Паша, — строимся парами и идём в столовую, узнаем, где у нас храм еды. Да, чуть не забыл: наш отряд и второй будут дежурить на кухне.

Раздались недовольные возгласы.

— Так и знала, — проворчала Таня, — мы приехали не отдыхать, а работать.

— Если вы помните, — улыбнулась Кристина, — труд превратил обезьяну в человека. Вам это пригодится. Так что не жалуйтесь. Поваров мало, официантов нет — нужна помощь. Вечером скажу, что именно делать. Наш отряд дежурит на этой неделе, составим списки. А пока — в столовую.

Вереница из двадцати ребят и двух вожатых двинулась к одноэтажному зданию возле административного корпуса.

— Ребята, — обернулся Паша, — сегодня вечером разучим считалочку, которую будем кричать по пути в столовую. Вам точно понравится.

— Ага, — буркнула под нос Юля, — всю жизнь мечтали.

— Да слышали уже, — крикнул Никита, — про считалочку. Знаем.

Первый отряд из двадцати человек во главе с двумя вожатыми двинулся по дорожке в сторону столовой. Самыми первыми, держась за руки, шли Марат и Алина, за ними — Борис и Александр, Сергей и Антон, а потом все остальные.

Территория густо поросла зеленью: кустарниками и высокими соснами с елями. Столовая была видна из корпуса, но идти до неё оказалось дольше, чем казалось. Отряд пропустил младших детей и двинулся следом. Павел весело напевал считалочку, вызывая смех у ребят.

Солнечный свет с трудом пробивался сквозь плотный шатёр вековых сосен, ложась на дорожку дрожащими золотистыми пятнами. Воздух, густой, пахнувший смолой, разогретой хвоей и влажной землёй, звенел от детского гомона. Дорожка была вымощена старым, выщербленным асфальтом, покрытым сетью мелких трещин. По обеим сторонам стояли могучие сосны, их шершавые стволы уходили ввысь, где кроны сплетались в непроницаемый шатёр.

Антон шёл в общем потоке, механически переставляя ноги. Гул голосов, смех, обрывки фраз, шарканье десятков подошв сливались в монотонный убаюкивающий гул, который он почти не слышал. Он был погружён в свои мысли, и окружающий мир казался ему лишь декорацией.

И вдруг эта декорация треснула.

Сквозь частокол коричневых стволов и зелёных лап его взгляд зацепился за чужеродный, неподвижный силуэт. Где-то за футбольным полем, где лес казался особенно густым и тёмным, стояла девочка лет девяти. На ней было платье — не просто серое, а неопределённого мышиного цвета, будто сотканное из лесной тени и пыли. Ткань выглядела старой и грубой. Но самым поразительным были её волосы: длинные, спутанные, безжизненные, они лежали на острых плечах, как сухая болотная трава или паутина.

Её кожа была не просто бледной, а мучнисто-белой, с сероватым оттенком, как у восковой куклы или человека, который годами не видел солнца. Девочка стояла абсолютно неподвижно и смотрела прямо на Антона. В её взгляде не было ни детского любопытства, ни дерзости — лишь глубокая, непроницаемая пустота. В этот момент весь шум лагеря стих для парня, словно кто-то нажал кнопку отключения звука. Существовали только он и эта странная фигура в сером платье.

Антон моргнул, всего на секунду отвёл взгляд, чтобы посмотреть под ноги — мимолётное движение, длиннее удара сердца. Когда он снова поднял глаза к тому месту у сосны, где стояла девочка, там уже никого не было. Пустота: лишь шершавый ствол и пятно солнечного света на траве.

Девочка исчезла так же беззвучно и необъяснимо, как и появилась. Ни шороха веток, ни звука шагов по сухой хвое.

Сердце парня пропустило удар и тут же забило с удвоенной силой, разгоняя по венам горячую волну адреналина. Он резко обернулся, до боли в шее вглядываясь в просветы между деревьями. Но серая тень растворилась без следа в лесном сумраке, оставив лишь липкое чувство тревоги и смутное воспоминание о пустом взгляде восковой куклы.

Антон очень удивился, но это было скорее тревожное чувство, смешанное с недоумением. Какая странная девочка! Куда она делась? Может, чья-то дочка из местных работников? Он повернулся к Сергею и посмотрел на друга растерянным взглядом.

— Ты чего? — спросил Сергей.

Антон промолчал. Решил, что спросит у вожатого Паши, если что.

Ребята подошли к столовой, куда уже зашли остальные. Дверь была двухстворчатая. Сама столовая — большая, как в детском доме. Только здесь все ели в одну смену.

Внутри стояли квадратные столы на четыре человека. На каждом — табличка с номером отряда. Зал был украшен шарами и плакатами: «С приездом!», «Мы рады вас видеть!», «Приятного аппетита!».

Ребята расселись. Антон и Сергей сели с Аней и Василисой.

Антону нравилась Аня — светловолосая, с голубыми глазами, на год младше. Она казалась ему умной и рассудительной, таких он не встречал. В конце года он выпускался из детдома и хотел завести с ней дружбу, которая потом, возможно, переросла бы в нечто большее. Он и сам не понимал, почему не сделал этого раньше.

На столах уже стояли тарелки с супом, компот, хлеб. Повара развозили второе и убирали пустую посуду.

Всего в лагерь приехало около ста детей-сирот — многие впервые оказались на летнем отдыхе.

— Слушайте, — сказала Алина, обращаясь к соседям по столу, — кормят здесь неплохо.

— Это точно, жить можно, — усмехнулся Марат.

Эта парочка никогда не расставалась — сидели за одной партой, всегда вместе. Многие думали, что они поженятся, когда выпустятся.

В столовой стоял гул, но вдруг Нина Львовна захлопала в ладоши, привлекая внимание.

— Ребята! Когда я ем, я глух и нем. Свои впечатления оставите на потом. Доедайте молча, чтобы никто не подавился.

В столовой наступила тишина, нарушаемая только стуком ложек.

Глава 2

Первый день в лагере ушёл на знакомство с территорией. Футбольное поле было большим, окружённым высокими соснами, чьи ветки почти смыкались над головой. Лес казался густым, но солнечные лучи всё же пробивались сквозь колючие ветви, освещая сумрачную землю. Как сказал весёлый вожатый Паша: «Главное — не уходить далеко, а то и потеряться можно».

Парень был чудаковатым: всё время улыбался, подмигивал ребятам, чем здорово раздражал парней.

— Слушайте, — сказала Татьяна, которую все звали Лисой из-за рыжих волос и наглого характера, — наш вожатый какой-то туповатый. Чего он всё улыбается, как дурачок?

— Слышь, Лиса, — первым отозвался Никита, — пусть человек улыбается. Может, ты ему понравилась, и он так знаки внимания оказывает.

Парни заржали.

— Дурак! Он же не только мне улыбается, а всем. Может, он на тебя глаз положил, а, Никитос?

Парень нахмурился, девчонки захихикали.

Потом их отвели на волейбольное поле и показали эстраду. Паша пообещал, что они обязательно покажут театральный номер для малышей.

— Вон там у нас душевая. Ходят все по расписанию. Мы — старшие, поэтому последние. Душ через день. Справа — девочки, слева — мальчики. Внутри душевые кабины.

Девочки слегка ошарашенно переглянулись. Душ через день — уму непостижимо.

— А вон там хозблок. Там храним инвентарь и садовые принадлежности. У нас есть баба Нюра — пожилая женщина, помощница по хозяйству. Она ухаживает за территорией вместе со сторожем дедом Семёном. Цветочки, яблони, смородина. Помогает на кухне. Потом повара будут варить из ягод варенье и компот. Правда, классно?

Вожатый Паша рассказывал это с таким энтузиазмом, будто готовил выставку лучших насаждений.

— Очень, — вяло отозвались ребята.

Дальше им показали небольшой заасфальтированный стадион овальной формы, по периметру которого стояли деревянные корпуса. С одной стороны — стенд, возле него — длинный шест с флагом, на котором были эмблема и какая-то надпись. Что там было написано, никто не разобрал.

На асфальте белые полосы разделяли беговые дорожки.

— Здесь у нас будет утренняя зарядка. Потом, после завтрака, — торжественная линейка и поднятие флага. Каждое утро честь поднять эмблему лагеря будет выпадать лучшему воспитаннику отряда. Завтра всё увидите. Пойдём дальше.

До ужина вожатые водили своих ребят по территории, показывая всё необходимое для жизни в ближайшие три недели. К реке не спускались, но Паша пообещал, что завтра они обязательно сходят купаться — обещают жару.

Время приближалось к ужину. Все постепенно разошлись по своим домикам. Наступал вечер, а значит, все соберутся на веранде, где начнут рассказывать о себе и своих мечтах. Как и обещали вожатые, наступал вечер «Горящей свечи». Никто не знал, что это, поэтому девочки прихорашивались в комнате, а парни приводили себя в порядок.

— Батон! — крикнул Алёша. — Хватит хавать! Только из столовой пришли. Сколько в тебя может влезть?

Боря, которого все звали Батоном из-за плотного телосложения, жевал хлеб, прихваченный из столовой.

— А я виноват, что там мало накладывают?

Марат, натягивая майку-борцовку, прошёл мимо и слегка треснул Борю по животу. Тот согнулся.

— Тебе полезно поголодать. Вон какое пузо отрастил.

Все заржали.

— Марат, — сказал Сашка, друг Бориса, — чего ты к нему прицепился? Ну, любит он поесть. Ты тоже не прочь пожевать. За добавкой ходил.

Марат резко обернулся, сощурил глаза. Желваки на лице заходили ходуном, ноздри раздулись, кулаки сжались, костяшки захрустели.

— Не твоего ума дело, — огрызнулся парень, — или давно в бубен не получал?

Он двинулся в сторону Шурика, но в этот момент с кровати вскочил Антон и встал между ними. Парни схлестнулись взглядами, как два льва. В комнате наступила гробовая тишина — даже Боря перестал жевать. Все смотрели на двух взрослых парней, которым через несколько месяцев стукнет восемнадцать. Оба лидеры, но характеры разные. Чем бы это закончилось — неизвестно, но в комнату зашёл Паша, улыбающийся во весь рот.

Почувствовав напряжение, он сказал:

— Ну что, петухи, идём на вечер «Горящей свечи»?

Все резко повернулись, а потом раздался дружный смех. Весело было всем, кроме Марата и Антона — им явно не понравилось обращение «петухи». Видимо, Паша всё же был недалёким малым.

Под дружный гогот ребята вышли на веранду, где уже собирались девочки.

Было около восьми вечера, когда все расселись на веранде. Она была украшена толстыми зажжёнными свечами в стеклянных коробочках — мера предосторожности. От одной такой свечи деревянный домик может вспыхнуть как спичка.

На стульях возле перил уже сидели воспитатель Сергей Петрович, вожатая Кристина и Павел. Он вышел вместе с парнями и сел рядом с девушкой.

— Ну что, все в сборе, пора начинать, — сказал Сергей Петрович.

Ребята притихли. Алина сидела рядом с Маратом, держа его за руку. Девушка чувствовала, что парень напряжён, но не понимала почему. Аня села напротив Антона, рядом с ней — Василиса.

— Как меня зовут, вы уже знаете. Я работаю воспитателем давно. В этом году меня пригласили в лагерь «Геолог». Сказали, что дети приедут интересные, у каждого своя судьба. Мне хочется послушать вас. Если каждый расскажет хоть немного о себе, мы станем ближе и будем лучше понимать друг друга.

Ребята готовились раскрыть свои страхи и желания, рассказать о прошлом и будущем.

Первой о себе рассказала Кристина. Она была студенткой четвёртого курса педагогического университета. Как и многие вожатые, она приехала на практику. Студентов набрали из разных городов — никто не знал почему. Говорили, что каждый должен поработать с подростками из детского дома, самыми ранимыми и сложными. Студентов приглашали, чтобы они помогли ребятам освоиться во взрослой жизни. После практики вожатые могли поделиться опытом у себя в городах.

Кристине был двадцать один год. Она жила с родителями, мечтала стать учителем начальных классов.

Следующим рассказал о себе Павел. Ему недавно исполнилось двадцать. Директор лагеря Нина Львовна была его матерью.. Она отправила его вожатым в первый отряд, считая, что так он быстрее повзрослеет. Паша думал иначе — он хотел быть юристом, но мать настояла на педагогическом университете. Теперь он учится на физфаке, чтобы стать учителем физики.

Ребята не поняли, зачем он им это рассказал, зато узнали, что его мама — директор. Сергей Петрович недовольно смотрел на парня, но тот этого не замечал — улыбался и был откровенен.

Потом ребята начали осторожно рассказывать о себе, стараясь не касаться болезненных тем. Они говорили о своих мечтах, о том, как попали в детский дом, некоторые — прямо из дома малютки. Многие дети мало что знали друг о друге. Они сочувствовали друг другу, в какие-то моменты восхищались, но после вечера «Горящей свечи» стали ближе.

Даже Марат, с его горячей кавказской кровью, как-то выпрямился, в глазах заплескали искры. Он понял, что хочет стать уважаемым человеком, чтобы никогда ни в чём не нуждаться.

Каждый, рассказывая, открывал в себе что-то новое. Девочки улыбались со слезами на глазах, парни по-другому смотрели друг на друга.

После разговора завязалась болтовня о пустяках. На территории зажглись фонари. Солнце уже спряталось, уступив место луне. Время приближалось к отбою. Вечер закончился песней под гитару в исполнении Кристины. Те, кто знал слова, подпевали.

За полчаса до отбоя ребята пошли к умывальникам готовиться ко сну. Завтра, по словам Паши, подъём будет в восемь, а дальше — все по расписанию. Утром на стенде они увидят план на смену. Отбой ровно в одиннадцать вечера. Тут как раз по местному радио они услышали отбой, и все разошлись по корпусам. Наступила тишина, нарушаемая только стрекотом сверчков.

Глава 3

Ночь в летнем лагере — это не просто темнота, а густая, почти осязаемая субстанция из запахов хвои, влажной земли и остывающего дерева. Она обволакивает корпуса, заставляя их скрипеть и вздыхать. В такие часы сон особенно глубок, и именно эта тяжесть делает пробуждение пугающим.

Шестнадцатилетняя Аня вынырнула из дремы от звука, который ледяной иглой пронзил тишину. Это был не привычный ночной шорох, а протяжный, скрежещущий звук, словно кто-то водил ржавым гвоздём по внешней стене домика.

Звук доносился снизу, из-под окна, у которого стояла её кровать. Сердце ухнуло в пятки, по спине пробежал холодок. Она окончательно проснулась. Комната спала — мерное дыхание соседок казалось оглушительным на фоне этого зловещего скрежета.

Аня сжалась под одеялом, боясь пошевелиться и выдать себя.

Страх сковал её тело, превратив мышцы в камень, но какая-то сила, сильнее инстинкта самосохранения, заставила медленно повернуть голову. Превозмогая дрожь, она посмотрела на соседку Василису. Свет луны падал прямо на её бледное лицо. Аня перевела взгляд на окно — за ним царила непроглядная чернильная тьма, лишь слегка разбавленная тусклым светом одинокого фонаря. Стекло было мутным, покрытым сеткой трещин и каплями ночной росы, искажавшими реальность.

И там, за этой призрачной преградой, в дальнем углу поля зрения, где начинался густой подлесок, Аня увидела её. Силуэт маленькой девочки. Он казался вырезанным из самой ночи — абсолютно чёрный, лишённый деталей, но с пугающей чёткостью контуров. Девочке было около девяти. Она стояла неподвижно среди черных стволов сосен, словно была их частью, лесным духом, выросшим из-под корней. Кто она? Почему ночью одна гуляет по лагерю? Может, ребенок кого-то из работников? Аня откинула одеяло и приблизила лицо к стеклу, надеясь, что девочка её не заметит. Но...

Самое страшное было не в том, что она там стояла, а в том, что девочка смотрела прямо на неё. Взгляд ощущался физически — как прикосновение холодной ладони к щеке сквозь стекло. В нём не было ни злобы, ни мольбы, лишь глухая, бесконечная пустота и немое требование. Фигура не шевелилась, не пыталась приблизиться — просто стояла и вглядывалась в окно.

Время для Ани остановилось. Воздух в комнате стал вязким, горячим. Она хотела закричать, позвать вожатую, разбудить подругу — но горло перехватило, из него вырвался лишь сдавленный вздох. Этот безмолвный диалог длился вечно, пока тень не дрогнула и не растворилась в темноте так же бесшумно, как появилась. Остались лишь звенящая пустота и эхо скрежета в ушах.

— Ты чего не спишь? — зашептали над ухом.

Ане потребовалось огромное самообладание, чтобы не закричать. Сердце грохотало в ушах, по коже пробежали мурашки.

Она медленно повернулась и увидела лицо Василисы. Та сидела рядом, так близко, что Аня от неожиданности дёрнулась. Василиса зевала и смотрела в окно.

— Я спрашиваю: что не спишь? Ночь на дворе. Или что-то увидела?

Вместо страха на Аню накатило возмущение. Она хотела дать подзатыльник, но вместо этого сказала:

— Ты чего меня пугаешь? Сама что вскочила?

Василиса снова зевнула и кивнула на дверь:

— В туалет хотела. Смотрю, ты в окно пялишься, и глаза у тебя такие большие, будто привидение увидела.

Аня поёжилась и вспомнила девочку среди деревьев.

— Ничего я не увидела. Просто показалось, что за окном кто-то ходит, вот и решила посмотреть.

— Ну?

— Что?

— Посмотрела? Никого нет? А то я в туалет хочу.

Неожиданно из дальнего угла комнаты послышалось шиканье, и девочки повернулись, как по команде.

— Да тихо вы! Спать не даёте. Чего соскочили посреди ночи?

Маргарита смотрела на подруг недовольно и хотела ещё что-то сказать, но её соседка Настя перевернулась на другой бок и прошептала:

— Хватит уже. Дайте поспать.

— А чего они так громко? Другим мешают, — не унималась Марго.

Василиса спустила ноги с кровати и огрызнулась:

— Да спи, сколько влезет! Мы в туалет хотим. Правда, Аня?

Вася повернулась к подруге в поисках поддержки. Аня закивала и тоже встала. Ей очень не хотелось выходить на улицу — она не знала, кто та девочка и куда она исчезла.

Вздыхнув, она натянула шорты и двинулась за Василисой, уже стоявшей у двери.

— Пошли, — шепнула та, и они вышли.

Темнота окутала лагерь. Веранду освещала лишь тусклая лампочка, свисавшая с деревянного потолка.

Аня не была трусихой, но сейчас ей было по-настоящему страшно. Василиса уже тянула её в сторону деревянного домика с буквой «Ж». На улице было тепло, фонари хоть и редко, но давали достаточно света, так что они дошли без приключений.

Девочки, хихикая и толкая друг друга локтями, вышли из туалета. Дверь за ними с глухим зловещим стуком захлопнулась, отрезая их от тусклого света. Они оказались в плену непроглядной чернильной мглы. Странно: когда они заходили, фонари горели, а сейчас что?

Мир вокруг превратился в контрасты: слева — черная, непроницаемая стена леса, справа — деревянные корпуса с тёмными провалами окон. Единственным ориентиром оставалась тусклая лампочка на веранде их домика. Девочки сделали несколько шагов в сторону корпуса, когда смех окончательно угас, уступив место напряжённому молчанию.

Внезапно Василиса замерла на полушаге. Сердце пропустило удар и бешено забилося где-то в горле. Это было не просто прикосновение — ледяной выдох, мимолётный, как касание крыла ночной бабочки. Кто-то невидимый, сотканный из тьмы, скользнул по её обнажённой руке — от запястья к локтю. Ощущение было настолько реальным, что волосы на коже встали дыбом. Василиса резко дёрнула рукой, словно стряхивая ядовитого паука.

— Анька! — сдавленно пискнула она, вцепившись в руку подруги.

Аня, погружённая в свои мысли, от неожиданности взвизгнула так пронзительно, что звук вспорол ночную тишину. Паника, липкая, удушающая, мгновенно передалась от одной к другой. Не сговариваясь, они рванули с места. Кроссовки застучали по земле в сумасшедшем ритме испуганного сердца. Они не бежали — они летели над землёй, гонимые первобытным ужасом. Тропинка под ногами казалась бесконечной, а спасительный свет лампочки — недосягаемой звездой.

Они влетели на веранду так стремительно, будто за ними гналась стая волков. Тяжело дыша, с колотящимися сердцами, девочки привалились к стене. Здесь было безопасно — горела дежурная лампочка, пахло краской и пылью. Но страх не отпускал.

— Ты... ты это почувствовала? — задышавшись, прошептала Василиса.

Аня лишь молча кивнула, не в силах вымолвить ни слова. Она вспомнила силуэт девочки среди деревьев — та смотрела на неё чёрными глазами, прожигая насквозь.

Собрав остатки храбрости, они одновременно повернулись и оглядели территорию. Та же безмятежная летняя ночь. Тропинка пуста. Лес стоял неподвижной чёрной стеной. Призрак исчез так же бесследно, как и появился, оставив лишь звенящую тишину и ледяной ужас в душах двух подруг.

Утро началось с песни из громкоговорителя. Ребята от неожиданности повскакивали с кроватей. Аня с Василисой накрылись одеялами с головой — очень хотелось спать. Девочки уже начали подниматься, переодеваться и брать принадлежности для умывания. Нужно идти на улицу к холодной воде.

— Эй, а вы что лежите? — крикнула Кристина, войдя в комнату уже при параде.

На ней были белая майка с логотипом лагеря, голубая юбка до колен и пилотка на голове.

— А они полночи по туалетам бегали, — хохотнула Марго.

Вожатая захлопала в ладоши:

— Все поднимаемся! На водные процедуры и туалет — пятнадцать минут.

Она вышла на веранду.

Делать было нечего — Аня и Василиса поднялись последними и начали заправлять кровати. После ночных приключений ничего не хотелось делать. Аня вспомнила странную девочку и решила спросить у вожатой позже — может, та что-то знает о ней.

На веранде уже собирались парни. Лица помятые, сон ещё не сошёл окончательно. Им было проще — они не тратили столько времени на приведение себя в порядок.

Когда все закончили водные процедуры, вожатый Павел попросил построиться по двое. Ребята нехотя встали в пары, и колонна из двадцати человек и двух вожатых двинулась в центр лагеря «Геолог».

На небольшом стадионе уже собирались дети из других отрядов. Самым большим был первый отряд. Их поджидал воспитатель Сергей Петрович — казалось, этот мужчина никогда не улыбается.

— Доброе утро, первый отряд! — поприветствовал он.

В ответ послышалось бурчание: «здрассте», «доброе утро», «хай».

— Не понял! — пробасил Сергей Петрович. — Это что за сонные мухи? А ну-ка громко и ещё раз, чтобы я слышал и все остальные. Доброе утро, первый отряд!

— Доброе утро! — уже громче и почти хором ответили ребята.

Мужчина хмуро посмотрел на них, но ничего не сказал.

Когда все отряды встали по кругу, к шесту, где болтался флаг, подошла Нина Львовна и ещё два человека. Кто они, ребята не знали, но явно кто-то из работников лагеря.

— Доброе утро, дети! — крикнула директор.

В ответ раздалось приветствие: странный гомон со всех сторон, будто стая птиц закричала одновременно. Затем состоялось знакомство с работниками лагеря. Почему это нужно было делать с утра, ребята поняли позже — день обещал быть насыщенным.

— ...Наша традиция — ежедневное поднятие флага. Сегодня эта честь предоставляется первому отряду. Я приглашаю двоих для совершения ритуала. Пока это будут желающие, а потом — лучшие, которые удостоятся этой чести.

Нина Львовна похлопала в ладоши, и те, кто стоял рядом, последовали ее примеру.

— Ну, смелее! Нужны одна девочка и один мальчик.

— Давайте, — сказал Паша вожатый, — кто хочет?

Ребята стояли с изумленными лицами. Они еще не понимали, что от них хотят.

— Марат и Василиса, давайте вы!

Девушка вытаращила глаза.

— А что сразу я? Не хочу и не буду.

— Вы совсем, что ли? — начала возмущаться Алина. — Никуда я его с ней не пушу!

Она стрельнула недовольным взглядом в сторону Василисы.

— А я и не собиралась, больно надо.

— Первый отряд! — крикнула Нина Львовна. — Мы долго будем ждать!?

Сергей Петрович строго посмотрел на ребят. Марат, взяв Алину за руку, двинулся в сторону шеста, где стояли взрослые.

Под громкую патриотическую музыку ребята подняли флаг. Все зааплодировали.

— Ну вот, — снова закричала Нина Львовна, — первый поток лагеря «Геолог» можно считать открытым! Ура, товарищи!

Все хлопали, кричали. Младшие дети радовались. Их можно было понять: никто из ребят никогда не был в лагере. Они всю жизнь провели в стенах детского дома.

Следующие полчаса были посвящены утренней зарядке. Из громкоговорителя звучала музыка, а посередине стадиона стоял физрук и показывал движения. Все повторяли. Больше всех старался Павел — он так комично делал упражнения, что Таня не выдержала и рассмеялась.

— Слушайте, — прошептал Сашка, — неужели это нас ожидает каждый день? Даже в детдоме мы не выходили спозаранку на зарядку.

— Шурик, тебе полезно, — отозвалась Алина. — Бегаешь медленно, худой, как дистрофик.

Сашка усмехнулся и кивнул в сторону Бориса, который, как неуклюжая неваляшка, пытался повторить движения физрука.

— Это вон Батону надо, мне — нет. Я миниатюрный.

Алина фыркнула и отвернулась.

День пролетел быстро. Дежурил первый отряд. Ребята из него в этот день были только в столовой. Двадцать человек поделились на группы — по три человека в день, в воскресенье — два. Они сами решали, кто с кем и в какой день выходит на дежурство.

Аня и Василиса должны были дежурить в субботу. К ним прилип Боря — его никто не хотел брать, и девочки, сжалившись, позвали с собой.

В понедельник и вторник ребята познакомились со всеми, кто работал в лагере. Каждое утро начиналось с зарядки и поднятия флага, потом — завтрак, уборка территории и комнат, а затем — свободное время. Многие играли в футбол или волейбол, проводились соревнования, победители получали призы. В административном корпусе работали библиотека, кружки рисования, танцев, вязания, секция лёгкой атлетики. Всё это могло пригодиться в будущем, считала Нина Львовна. Кружки вели вожатые и воспитатели — дети не болтались без дела.

После обеда — тихий час, потом купание. Река была широкой и полноводной, другого берега не было видно. Для них огородили сеткой безопасное место, и каждый отряд плавал по полчаса.

Вечером — концерты, конкурсы, а потом дискотека.

За неделю дети и вожатые сблизились, стали больше доверять друг другу.

Аня наконец решилась поговорить с Антоном, и оказалось, что парню она тоже нравится. К концу недели они были не разлей вода — никто этому не удивился, все видели, что они симпатизируют друг другу.

Антон замечал, что девушку что-то беспокоит, но не лез с расспросами — сама расскажет, если захочет.

Так пролетела неделя, и наступила суббота. Вечером все собрались у сцены, где должен был состояться концерт, посвящённый открытию лагеря.

Концерт начался в восемь вечера. Все сидели на скамейках и смотрели на сцену, когда к директору лагеря подбежала старшая воспитательница Ирина Николаевна и что-то зашептала ей на ухо. Лицо женщины было обеспокоенным. Через пару минут и директориса изменилась в лице, и они обе куда-то побежали, прихватив завхоза.

В это время на сцене как раз был смешной момент, но Антона происходящее не интересовало. Его внимание привлекли старшая воспитательница и директриса. Он проследил за ними взглядом, но они скрылись за деревьями. Парень почувствовал, как внутри что-то неприятно засосало.

Вечером, после дискотеки, весь первый отряд сидел на веранде. Ребята болтали, смеялись, делились впечатлениями дня.

Глава 4

Суббота выдалась насыщенной.

Утро началось с дежурства в столовой. Сегодня была очередь Ани, Василисы и Бори. Последний больше мешал, чем помогал: разбил несколько тарелок, чуть не опрокинул на себя кастрюлю с кипящей водой и в довершение объелся яблок, после чего бегал в туалет. К ужину девочки вздохнули с облегчением — их дежурство заканчивалось.

— Боря! — крикнула Василиса. — От тебя весь день никакого толку, одни убытки. Если не помогаешь, хоть не мешай!

Батон жевал очередное яблоко.

— Че это никакого? Я тарелки приносил целый день, потом собирал их со столов, сейчас буду мусор выносить.

— Ага, — откликнулась Аня, — из этих ста тарелок ты половину разбил. А мусор тебя тётя Катя заставила вынести — ты бы сам не догадался.

Парень отмахнулся, доел яблоко и потащил на задний двор огромный чёрный мешок.

Борис был неплохим парнем и любил хорошо поесть. К своим шестнадцати годам он весил почти девяносто килограммов. Все называли его Батон, но он не обижался. Выглядел он комично: пухлые щёки, нос картошкой, узкие карие глаза и свисающий живот. У него даже грудь выпирала, и парни частенько в насмешку предлагали купить ему бюстгальтер. Но в последнее время они перестали стебаться, проявляли больше сочувствия и заставляли заниматься спортом. Боря старался, но у него пока плохо получалось. Каждый раз он после тренировки пытался урвать несколько кусочков хлеба, чтобы потом тайком пожевать где-нибудь в укромном месте.

Спустя десять минут Борис влетел в кухню, где девочки раскладывали посуду. На парне не было лица — бледный, с широко раскрытыми глазами, в которых читался ужас. Аня нахмурилась и посмотрела на подругу, которая тоже стояла в недоумении.

— Боря, ты чего? — спросила Василиса.

— Там... там... — пытался ответить парень.

— Что там? — не выдержала Аня. — На тебе лица нет! Что случилось?

Парень подбежал к ним, схватил за руки и потащил за собой. Они забежали в подсобку, и он, закрыв дверь, привалился к ней спиной.

— Там такое... — выдохнул он.

— Что? — не выдержала Аня.

— Там страшная старуха... и она... она...

Василиса почувствовала, как по спине пробежал холодок.

— Боря...

— Там страшная бабка. Она сидела в тёмном углу, и у неё в руках было что-то похожее на кусок мяса, с которого стекала кровь и капала прямо на грудь. Она жадно чавкала и...

Девушки побледнели.

— Ты что несёшь, ненормальный? Какое мясо? Какая старуха? Боря, приди в себя. Тебе жир весь мозг проел!

— Я серьёзно говорю...

Парень, заикаясь, начал рассказывать, что произошло за эти десять минут. Солнце уже клонилось к закату, заливая лагерь густым янтарным светом. Дневная суeta стихала, уступая вечерней истоме.

Боря получил от поварихи тётки Кати самое унижительное задание — вынести мусор. Ему вручили чёрный, туго набитый пакет, источавший тошнотворную смесь запахов прокисшего

компота, рыбных костей и несвежего хлеба. Он брезгливо взял его и, морщась, поплёлся к выходу, волоча свою ношу по скрипучему полу.

Дверь столовой тяжело захлопнулась за ним, отсекая привычный шум. Мир снаружи встретил парня влажной прохладой и звенящей тишиной, нарушаемой лишь стрекотом цикад. Он направился к ряду огромных железных контейнеров, что стояли в тени старых сосен, образуя монолит из ржавчины и смрада. Пакет был тяжёлым, влажным и неприятно скользким.

Подойдя ближе, Боря швырнул свой груз на асфальт рядом с баком и открыл его крышку. И тут он замер. Сердце пропустило удар и забилось где-то в горле. Возле дальнего контейнера, в самой густой тени, он разглядел человеческую фигуру. На земле, привалившись к бетону, сидела какая-то старуха. Её силуэт почти сливался с тенью от контейнера.

Но не ее поза заставила Боря похолодеть. Старуха ела. Она жадно, с утробным урчанием вгрызалась во что-то тёмное, истекающее багровым соком, что держала обеими руками, похожими на сухие птичьи лапы. Что это было? Кусок сырого мяса? Огромная печень? В сгущающихся сумерках невозможно было разобрать, но воображение дорисовало самые жуткие картины.

Звуки, сопровождавшие эту трапезу, были ужасны. Громкое, животное чавканье разносилось в вечернем воздухе, перемежаясь с влажным хрустом. Челюсти работали с механической яростью, пальцы, испачканные чем-то липким, судорожно сжимали добычу. Казалось, она пыталась насытиться на год вперёд, заглатывая огромные куски почти не жуя. Желудок Бориса скрутило спазмом, к горлу подступила желчь.

Парня сковал животный ужас. Время замедлилось, превратившись в густой кисель. Он стоял, парализованный этим кошмаром, боясь даже моргнуть. Наконец инстинкт самосохранения взял верх. Паника придала сил ватным ногам. Развернувшись на пятках так резко, что зануло колено, Боря бросился бежать. Его плотное тело с трудом подчинялось. Он не помнил, как преодолел расстояние до спасительной двери столовой. Влетел внутрь, едва не сбив Аню и Василису, и прижался спиной к стене, тяжело дыша. Его трясло, холодный пот градом катился по лбу, перед глазами всё ещё стояла омерзительная картина. Чёрный пакет с мусором так и остался сиротливо лежать на дороге, брошенный и забытый в приступе дикого страха.

Аня и Василиса молча слушали, и с каждой минутой их лица вытягивались, а глаза расширялись.

— Боря, — первой пришла в себя Василиса, — ты не перегрелся?

Она потрогала его лоб — он был мокрым и холодным, лицо бледным, дыхание частым.

— Не верите? Пойдем, посмотрим. Я серьёзно говорю!

Аня взглянула на подругу. Та кивнула и открыла дверь подсобки.

Все трое медленно вышли и на цыпочках направились к задней двери. На кухне стояла зловещая тишина, напрягая их нервы. После рассказа Бори девочки чувствовали, как руки холодеют, а внутри всё клокочет от ужаса.

Они дошли до входной двери, когда сзади послышался шум.

— Что это вы делаете?

В тишине столовой это прозвучало как гром среди ясного неба. Все трое, повернувшись, закричали от ужаса. На ребят с испугом и удивлением смотрела повариха тётя Катя. Кастрюля выпала у неё из рук и с грохотом, заглушавшим их визг, покатилась по полу.

Разглядев повариху, ребята замолчали. Боря тяжело дышал, девочки чуть не плакали. Женщина стояла с обалдевшим видом, а когда пришла в себя, набросилась на них.

— Что вообще происходит? Вы с ума посходили? Чего орёте?

— Там... там... — Боря не знал, как сказать.

— Что там?

— Там странная старуха... она что-то ела... и это что-то было живое.

Тётя Катя не знала, что ответить. Сначала она удивилась, потом её лицо приобрело сердитое выражение.

— Вы совсем? Из вашего отряда таких на дежурство ещё не приходило. Боря, ты что такое говоришь?

В этот момент открылась дверь, впуслав в кухню какую-то старуху. Это была помощница по хозяйству баба Нюра. Она хмуро оглядела присутствующих, вытирая руки о фартук.

Боря побледнел и заорал, тыча в неё пальцем:

— Это она! Она!

Все смотрели на парня, который побледнел ещё больше.

— Борис, кто она?

Девочки прижались друг к другу. Им было страшно: их товарищ только что рассказал о странной старухе, и вот она стоит перед ними.

— Боря, это баба Нюра. Она пожилой человек, помогает на кухне и по хозяйству. Ты что, её испугался?

Боря смотрел на старуху, открывая и закрывая рот. Следов крови на одежде не было, руки — чистые. Он уже не был уверен, что это та самая бабка — та держалась в тени.

Тётя Катя подошла к нему и потрогала лоб.

— Борис, тебе нужно в медпункт. Пусть медсестра посмотрит.

Она повернулась к девочкам:

— Аня, Василиса, отведите его к Жанне Викторовне. Может, яблок переел, вон какой бледный.

Девочки кивнули и, взяв Борю под руки, потянули к выходу. Парень не упирался, но всё ещё пытался разглядеть старуху, которую видел двадцать минут назад на заднем дворе. Он точно знал — это была она, и она ела что-то живое.

Медсестра констатировала переутомление и посоветовала пару часов полежать. Борису не разрешили идти на дискотеку, и он остался в комнате с Павлом, который рассказывал ему смешные истории. Но Боре было не по себе — мысленно он всё возвращался к той старухе, похожей на бабу Нюру.

Вечером ребята, как всегда, вышли на веранду. Пообщавшись, они постепенно разошлись по комнатам. Девочки ушли к себе, парни — в своё крыло. Там они увидели Бориса. Он лежал на кровати и читал книгу.

— А ты чего к нам не вышел? — спросил Саша.

Ребята посмеивались над парнем — история о странной старухе уже разлетелась. Борис пытался оправдаться, но никто ему не верил, только обзывали чудиком.

— Меньше яблок надо было трескать, — сказал Костик.

Но Борис точно знал, что видел это своими глазами. Из всех ребят серьёзным был только Антон — он вспомнил странную девочку, которую видел у леса. Надо бы спросить у Павла.

Антон присутствовал на концерте, потом на дискотеке. Он думал о странном поведении старшей воспитательницы — она явно пришла с плохими новостями. Директриса, завхоз и воспитательница втроем куда-то убежали, но потом началась дискотека, и он забыл об этом.

Когда все начали расходиться, он подошёл к Павлу:

— Паш, я видел девочку лет девяти. Стояла среди деревьев, бледная, с тёмными спутанными волосами. Мы в это время шли в столовую. У нас в детдоме я такой не видел. У вас тут есть работники с детьми?

Павел странно посмотрел на него, задумался, потом улыбнулся:

— Нет, таких нет. Только я с мамой. Но я знаю одну историю об этом месте...

Паша сделал таинственное лицо, обвёл взглядом веранду и посмотрел на Антона:

— Пойдём. Сегодня вечер страшных лагерных страшилок. Кто расскажет самую жуткую, завтра освобождается от зарядки.

Павел зашёл в комнату и захлопал в ладоши, объявляя о вечере страшилок.

«Аня, наверное, уже легла», — подумал Антон. Девушка сегодня дежурила в столовой и жутко устала. Она даже на дискотеке мало танцевала — больше сидела на лавочке. После истории с Борей ей ничего не хотелось. Антон видел, что она о чём-то думает, несколько раз потёрла плечи, будто замёрзла, хотя на улице стояла жара.

Антон поднял голову — погода явно портилась. Небо заволакивало тучами. Собирался дождь. Постояв ещё минуту, он обвёл взглядом ночную территорию и зашёл в комнату, закрыв за собой дверь.

Глава 5

Ребята разлеглись по кроватям, когда Паша, переодевшись, вышел из-за своих занавесок. Он включил фонарик и посветил себе в лицо — в темноте оно выглядело ужасающе, как у маньяка из страшного фильма.

— Ну что, готовы к жутким рассказам на ночь?

Ребята посмеивались. Одному Борису было не смешно — он и так натерпелся страху, жаль, что никто не поверил.

— Давайте начнём. Кто первый? Кто хочет завтра поспать подольше?

Все молчали.

— Давайте я, — вдруг ответил Марат.

— Горец, — крикнул Леха (все звали его Бивнем), — ты-то откуда можешь знать страшные истории?

Марат усмехнулся:

— Оттуда.

Он обвёл взглядом комнату и задержался на вожатом, который уже натянул простыню на голову. Выглядел он при этом как придурок.

— Готовы? Ну, слушайте... История называется «Чёрный пионер».

Говорят, он появляется ровно в полночь на главной аллее. Это не тень и не игра воображения — он материален до дрожи. Представьте: идеальная белая рубашка, но не свежая, а серая от времени. На шее — небрежно повязанный галстук, но не алый, а темно-бордовый, как запёкшаяся кровь. Его лицо всегда скрыто в тени козырька. Если присмотреться, можно заметить лишь бледный овал и две чёрные бездны вместо глаз. Он не идёт — он скользит над землёй, не касаясь её подошвами начищенных сапог. И он ищет.

Того, кто не спит после отбоя. Того, кто осмелился высунуть нос. Он ходит вдоль корпусов и заглядывает в окна. И если ты услышишь шелест ткани — у тебя один шанс: замереть и не дышать. Потому что «Чёрный пионер» реагирует на движение и страх. Говорят, он проходит сквозь стены. Останавливается у каждой кровати и долго смотрит на спящего. А если ты не спишь, его ледяная рука ложится на плечо. Последнее, что ты почувствуешь, — запах сырой земли и прелых листьев. А потом ты исчезнешь.

Марат замолчал. В комнате повисла тишина. Даже Паша сидел молча, направив фонарик на дверь. Тишину нарушал начинающийся за окном дождь, барабанивший по стеклу.

— И совсем не страшно, — первым отозвался Сергей.

— Да? — сказал Марат. — Ну, тогда ты, следующий. Давай, рассказывай свою страшилку.

Сергей подумал немного, накинул простыню на голову и начал:

— Легенда о плачущей девочке...

Однажды, когда в лагерь приехали дети, среди пионеров была одна девочка-подросток — тихая и незаметная, серая мышка. Как-то раз ночью она пошла в душ. То ли захотела помыть голову перед линейкой, то ли не могла уснуть от духоты. Она вошла в гулкое помещение, включила тусклый свет и встала под струю воды. И вдруг вода стала ледяной — обжигающе холодной в одну секунду.

Девочка закричала, попыталась выскочить из душа, но дверь заклинило. Вода била по ее телу со всех сторон, спрятаться было некуда. Она колотила по двери и стенам кулаками, оставляя кровавые следы, но никто не пришёл. А вода всё лилась...

Говорят, её нашли только утром, когда уборщица пришла убирать душевую. Девочка сидела в углу кабинки под ледяным водопадом — с открытыми глазами и синим лицом. Она была мертва.

Теперь каждую ночь ровно в три часа из той самой душевой доносится звук воды и тихий, безутешный плач. Если подойти к запертой двери вплотную, можно услышать глухие удары мокрых ладоней о кафель изнутри — она всё ещё пытается выбраться из своей ледяной ловушки.

Сергей замолчал. Ребята переглянулись. Марат усмехнулся, Сашка слушал с открытым ртом, Борис отвернулся к стене. Даже вожатый Паша сильнее укутался в простыню — на его лице читался страх.

— Слушайте, — раздался голос из угла, — может, уже хватит?

Все посмотрели на Борю.

— Батон, ты струсил? Наши истории, наверное, не сравнятся с твоей — про старуху, которая ела что-то барахтающееся.

Парни засмеялись.

Паша вдруг сказал:

— Тихо! Девочек разбудим. Давайте, кто ещё хочет?

— Хотите историю о мёртвом часе? — спросил Никита.

— Давай!

Никита сел на кровать, натянул простыню на голову, превратившись в призрачный кокон, и заговорил:

— Каждый день после обеда — мёртвый час. Лагерь замирает. Даже ветер, кажется, боится шевельнуть листву. И именно в этой ватной тишине из-за стены, где находится актовый зал, начинает просачиваться звук. Сначала едва слышный — будто кто-то пробует клавиши, — он медленно нарастает, превращаясь в тягучую фальшивую мелодию. Кто-то играет на пианино.

Актовый зал заперт. Ключ от него хранится у директрисы. Но она сейчас спит у себя в комнате, и будить её никто не станет. А музыка всё играет...

Говорят, много лет назад, когда лагерь только открылся, здесь жила девочка, которая обожала пианино. Она могла играть часами, забывая обо всём. Особенно ей нравилось садиться за инструмент в мёртвый час, когда в лагере было пусто и тихо. Воспитательница несколько раз делала ей замечания, но девочка не слушалась. Однажды она снова уселась за рояль во время мёртвого часа. Воспитательница ворвалась в зал, вытащила её из-за инструмента и заперла в подсобке без воды и еды. «Посидишь здесь до вечера, — сказала она, — остынешь и подумаешь над своим поведением». Девочка плакала, звала на помощь, но никто не слышал. Когда под вечер воспитательница открыла дверь, девочка лежала на полу мёртвая — сердце не выдержало страха и духоты.

С тех пор её душа не может успокоиться. Она мстит всем, кто осмелится войти в актовый зал после этого часа. Говорят, что в сумерках можно увидеть маленькую фигуру, сидящую за роялем, с лицом, скрытым за спутанными волосами. Но если подойти слишком близко, она поднимает голову и зло смотрит на него. А потом запирает человека в чулане. И наутро его находят мёртвым.

— Боже, что за бред, — отозвался Марат. — Ничего страшнее придумать не мог?

— А вы знаете про Чёрную простыню? — прошипел Сашка из темноты, и по кругу пробежал нервный смешок. — Это не просто страшилка. Это было на самом деле. В детском доме в соседнем городе. Мне один пацан рассказывал на турслёте.

Сашка понизил голос до едва слышного шёпота. Он говорил о том, как в одной комнате завелась эта дрянь. Сначала никто не замечал, что простыня на одной из коек стала какой-то неправильной. Она была не просто чёрной, а цвета абсолютной пустоты — цвета безлунной ночи. Она не отражала свет, а поглощала его.

А потом началось. Тот, кто спал под ней, начинал задыхаться. Не от духоты — просто на грудь будто опускалась свинцовая плита. Он пытался кричать, но из горла вырывался лишь

хрип. Утром его находили бледным, с синими губами и отпечатками пальцев на шее. А простыня всегда была идеально гладкой и сухой.

Воспитатели пытались её сжечь. Бросали в огонь — но на следующее утро она снова лежала на той же койке. Её выбрасывали — она возвращалась через окно, по стене, как гигантская летучая мышь.

Говорят, один мальчик всё-таки победил её. Он не лёг спать, просто сидел всю ночь и ждал. И когда простыня поползла к нему по полу, словно гигантский слизень из мрака, он набросил на неё своё одеяло и начал читать «У лукоморья дуб зелёный» задом наперёд. Простыня скукожилась, зашипела и исчезла навсегда.

— Так что проверяйте своё одеяло перед сном, — закончил Сашка.

Сначала было тихо, потом все засмеялись.

— Санек, ну ты как расскажешь! Да ещё — «реально было». Балабол, — буркнул Шурик и лёг на кровать, сложив руки на груди.

— Ладно, — сказал вожатый Павел, который почему-то сильно побледнел. — По койкам! Завтра линейка и зарядка!

— А как же твоя история? Ты сказал, что она самая жуткая.

— Поздно уже. В следующий раз. Давайте спать.

Павел Константинович поднялся с койки Димы и, выключив фонарик, направился к себе.

— А кто победил? — крикнул Сашка.

— Дружба, — послышалось в ответ.

Антон заметил, что с вожатым что-то произошло. Тот всё это время сидел напуганный до чертиков. Странно — сам же предложил страшилки, а теперь отправил всех спать. Чёрт с ним, завтра попробует расспросить про ту девочку.

Он накрылся одеялом и закрыл глаза. Сон сморил его мгновенно.

Антон проснулся внезапно — как будто кто-то толкнул его в бок. Он открыл глаза, но решил не терять сон, повернулся на бок. В это время сверкнула молния, озарив комнату, и парень резко сел. У окна стояла какая-то фигура. Спросонья, в темноте, он сначала не понял, кто это, но, присмотревшись, узнал Бориса. Тот сидел на кровати и пялился в темноту. Лицо его было бледным, дыхание — частым, глаза расширены от ужаса. Антону казалось, что он слышит, как у того бешено стучит сердце.

— Борь, — прошептал он, чтобы не разбудить остальных, — ты чего?

Борис даже не шелохнулся. Казалось, он не слышал ничего вокруг — его внимание было приковано к чему-то за окном.

Антон поднялся и подошёл к нему. Боря вздрогнул от неожиданности. За окном всё так же лил дождь, было темно, лишь уличные фонари едва освещали территорию.

— Что там?

Борис повернулся, и Антон увидел в его глазах страх.

— Там он.

— Кто?

— Чёрный пионер... Он смотрит прямо на нас. Мне кажется, он хочет нас убить.

Антон посмотрел на Боря, не понимая, шутит он или серьёзно. Он повернулся к окну и всмотрелся в ночную мглу. Осмотрев всё, что было видно, он перевел взгляд на товарища, и тут небо озарила молния. На мгновение стало светло, и Антон увидел его.

Парень в майке, шортах и пилотке стоял посреди футбольного поля. Дождь, казалось, его не смущал. Вода ручьями стекала с волос, одежда прилипла к телу. Он смотрел прямо на их корпус. Антон почувствовал, как страх пробежал по спине. Кто это мог быть?

Он не верил в страшилки, но в парне было что-то странное. Незнакомец стоял, опустив голову, но его тёмные глаза смотрели прямо на окно. Взгляд будто прожигал насквозь.

Когда молния снова вспыхнула, фигура оказалась чуть ближе. И снова — ночная тьма.

Антон чувствовал, как Боря, сидевший рядом, начал часто дышать. Его била мелкая дрожь.

— Борь, успокойся. Это кто-то из своих. Может, вожатые прикалываются.

Но Боря не отрывал взгляда от окна. Антон опёрся руками о подоконник и приблизил лицо к стеклу. Рядом оказалось лицо Бориса. Прошло несколько секунд — мучительных, долгих. Тишину нарушал лишь стук капель о стекло. Антону показалось, что кто-то надел ему на голову колпак, заглушив все звуки. И тут очередная молния озарила всё вокруг. В этом мимолётном свете парни увидели, что у самого окна, почти вплотную к стеклу, стоит фигура в мокрой одежде — парень в голубой пилотке, с волосами, прилипшими к бледному лицу, и чёрными провалами вместо глаз. Это был вожатый Паша...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.